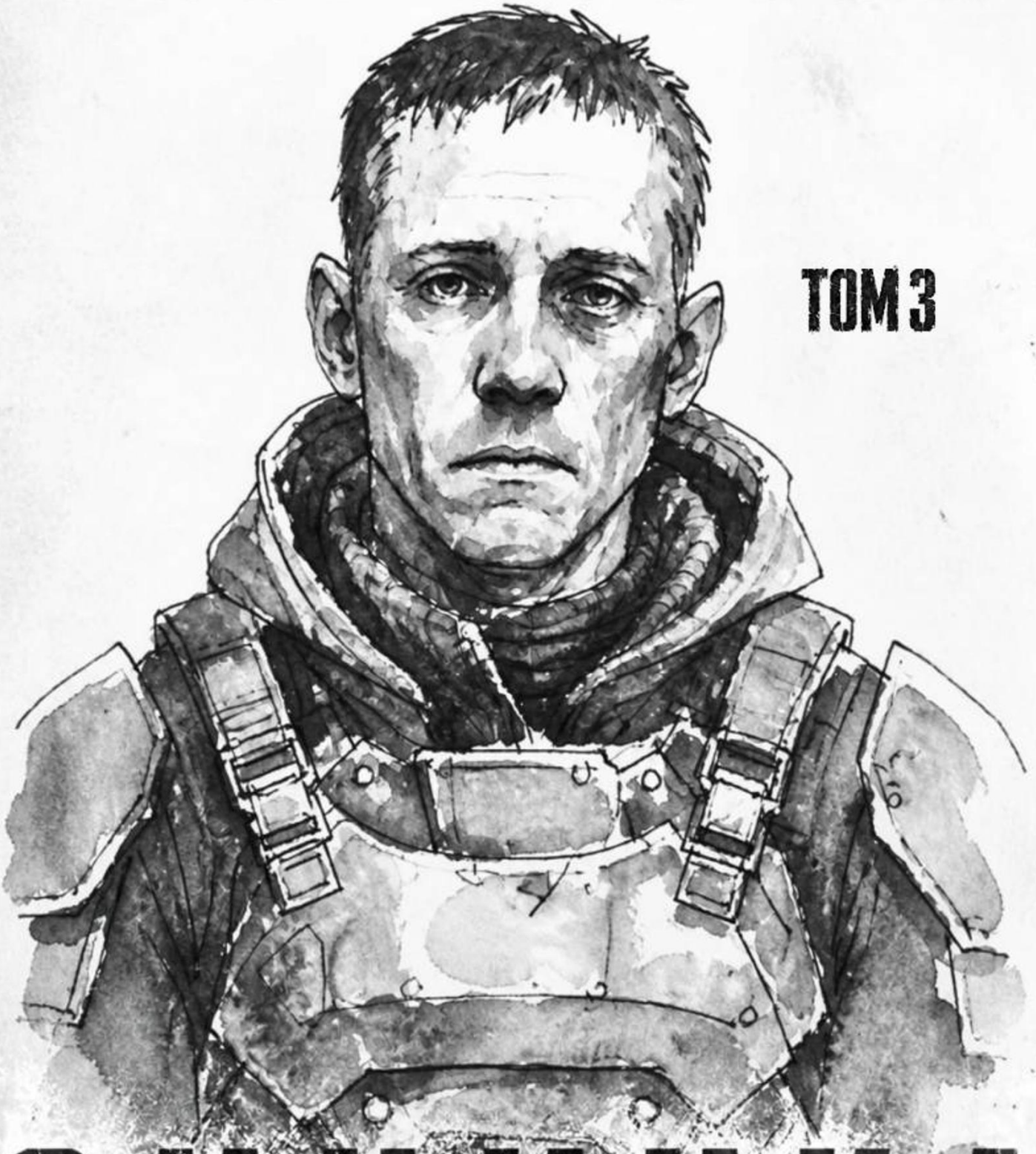
ГЛЕБ КОВЗИК

ТОМ 3

СИНИЧКА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Глеб Ковзик

Синичка. Том 3

«Автор»
2026

Ковзик Г.

Синичка. Том 3 / Г. Ковзик — «Автор», 2026

Продолжение истории группы Синички в Уральском Периметре. Главный герой оказывается в огне сталкерской войны. Ему предстоит раскрыть тайну секретного проекта Скрежет, но чем ближе разгадка, тем крепче его судьбу сжимает в кулаке таинственная Система.

© Ковзик Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Исследовательский объект 5
Глава 2. Хороший, плохой Ван И 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Глеб Ковзик
Синичка. Том 3

Глава 1. Исследовательский объект

— Давид? Давид Муминов? — женский голос пробился сквозь туман. — Вы меня слышите?

Звон в ушах медленно проходил, но веки всё ещё были свинцовыми. Их нужно как-то поднять, но руки почему-то не слушались. От напряжения мою голову пронзила такая боль, что пришлось отказаться от этой затеи.

Примерно с одинаковыми промежутками попискивал электронный прибор вроде того, что находился в больнице. Пульс ритмичный: пу-пу-пу… В такт ему кто-то раздражённо постукивал ногтем по металлической поверхности.

— Ох, Давид, ну не нужно драматизировать.

Я снова попытался пошевелиться, и опять почему-то не смог поднять руку: она едва заметно дёрнулась, наткнулась на препятствие и осталась лежать на месте. Я повторил попытку, затем попробовал согнуть ноги и только тогда понял, что меня удерживают ремни.

Открыв глаза, я увидел неприглядную картину — я, полностью голый, лежу связанным на кушетке. Ледяной металл от прикосновения колол мою кожу. Меня по рукам и ногам сковали жёсткие ремни: запястья и лодыжки были стянуты широкими кожаными лямками, ещё один проходил поперёк груди, не позволяя даже приподняться .

Над головой висел серый потолок, разделённый на большие квадратные секции. Там же находилась вентиляционная решётка, из которой с тихим посвистыванием поступал холодный воздух. Справа от меня располагалась огромная лампа, похожая на хирургическую, а чуть дальше виднелось несколько мониторов, испещрённых разноцветными графиками.

Последнее, что помнил, — это падение в шахту, ревущий воздух в ушах, стремительно удалявшийся свет и непроглядная темнота, которая поглотила меня. Потом, кажется, была какая-то вспышка. Или удар. Ни черта не помню, ни черта не понимаю.

— Что?… Где я?

— Просыпайтесь уже, мы и без того потеряли уйму времени с вашим сном.

Голос принадлежал Жанне. Она стояла подстриженной — не помню точно, но Арина называла эту стрижку каре, и теперь она брюнетка, а не блондинка. Черты её лица стали жёстче, старше и опаснее.

На ней был белый халат, наброшенный поверх серо-оливкового научного комбинезона. В кармашке халата имелся какой-то металлический стержень, похожий на ручной дозиметр. Никаких опознавательных знаков, шевронов и тому подобное, на её одежде не было.

Я больше не видел в её взгляде прежнего снисходительного добродушия. И вообще, на меня смотрела учёная в самом худшем его виде, эдакая мороженая, озлобленная на жизнь учительница, суровая, требовательная, жестокая.

— Коллектив уже решил, что придётся вас будить медикаментозно. Я выступила против. Анализы у вас замечательные, так что незачем портить кровь.

Жанна выглядела хищником, стервятником, она стояла надо мной, сложив свои руки на груди и чуть покачиваясь. Послышался знакомый механический звук из её штанин, где прятался экзоскелет.

— Жанна… Я так и думал, что тут что-то не так, — я оглянулся по сторонам. — Вы притащили меня в свою лабораторию.

— У вас всё хорошо с памятью! Отлично, Давид, что после всего пережитого вы не разучились узнавать людей.

— Я не уверен, что передо мной сейчас стоит та добрая женщина-спасительница, которая мне так понравилась.

На секунду черты лица женщины ожесточились настолько, насколько это вообще было возможно.

— Ваши дарования меня не впечатлили. — Жанна оценила меня с головы до ног. — Совсем не впечатлили.

— Ну, если бы мне дали побриться…

— Ой, да я ж совсем не об этом!

По моему бедру ударили шлепком.

— Хорошо-хорошо. А мы можем перейти на более приличный формат общения? Я, конечно, вас не стесняюсь, вернее, стесняюсь и хочу одеться.

— Зачем? Для чего вам одежда?

— Меня смущает, что я сейчас лежу голым и связанным перед женщиной, которая годится мне в бабушки. Согласитесь, ситуация необычная.

— Вы, конечно, можете продолжать смущаться. Это даже немного трогательно после вашего кровавого пути. Убийства других людей вас никогда не смущали.

— И всё же.

— Зачем?

— Для того, чтобы мы смогли обсудить условия моего выкупа.

— А что вам мешает? — Жанна усмехнулась. — Простите, ваша шерсть?

— Я готов заплатить не только деньгами, я готов взять любой ваш контракт, только позвольте мне…

— Вы даже не представляете, — Жанна перебила меня, — насколько переоцениваете свою значимость в той среде, на которую сейчас намекаете. Сталкеры за вами не придут. Они вас даже не ищут. Никто не знает, что вы в моей лаборатории.

Стало быть, подумал я, и переписки, которую вёл с Егором, в реальности не было, это всё моя выдумка опьяненного разума. Всё было как сон в бреду. Они контролировали меня с момента, когда я потерял сознание в её машине-невидимке.

— Ну, судя по всему, прекрасно её представляете вы.

— Да. Иначе бы вас расстреляли ещё месяц назад.

— Спасибо и на том, — я попробовал двигать каждым пальцем, чтобы осознать масштаб своего бедствия. — Так я для чего вам? Вы ведь учёная. Ничего, кроме экспериментов, вас интересовать не должно.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Надо же, какой проницательный молодой человек! — Жанна развела руками. — Так вы и есть мой эксперимент!

Разговор не заладился. Я обречённо посмотрел в потолок.

— Зачем я вам, Жанна? Подопытного кролика получше не смогли найти? Я простой парнишка.

— Простые люди занимаются своими делами и в чужие не лезут. Вы такой простой человек, что устроили настоящий хаос в Урале. Вы наломали кучу дров, и не будь я в своём возрасте, поколотила бы вас лично, особенно после всех тех жутких неприятностей, которые вы уже успели нам доставить.

Женщина недовольно хмыкнула после нескольких секунд молчания. Металлические элементы экзоскелета размеренно зажужжали. Она медленно сходила за стулом, поднесла его ближе, присела, закурила сигарету, после чего взревела сигнализация. Герметичная дверь с шипением отъехала в сторону. Все трое уставились на Жанну, которая невозмутимо сидела

возле кушетки с сигаретой в руке, но напуганным сотрудникам в белых халатах приказано сигнализацию отключить.

— Для этого придётся вывести из автоматического режима противопожарный контур. Да ведь весь южный сектор вырубит, Жанна Геннадиевна.

— Исполняйте.

Сказано — сделано. Дальше учёная курила в своё удовольствие, лишь отвлекаясь на болезненный кашель.

— За два года мои ребята так и не усвоили, что я не люблю повторять свои распоряжения. Какая досада.

Передо мной сидела совершенно другая женщина, Жанна, для которой окружающие люди существовали исключительно в качестве инструментов, роботов для выполнения приказов.

— Сигареты вас убьют.

— Знаю, я и так смертница. — А вот ты, Давид… Да-да, именно вы! — Она потыкала в меня указательным пальцем. — Вы моё спасение. Вы единственный человек, который выжил после сигма-излучения, да ещё полностью выздоровел.Вы пережили воздействие, которое должно было необратимо разрушить ваше тело, вы, если так можно выразиться, должны были превратиться в радиоактивный могильник. Но что же произошло? Нет, ничего! Не повредились клеточные структуры, не отказали внутренние органы. При той интенсивности, которую зафиксировали наши приборы, вы не должны были прожить и нескольких минут. В вашей крови, возможно, есть ключ к выживанию и меня, и всего человечества.

Я закатил глаза.

— Это какой-то бред. Вы ничем не отличаетесь от остальных спасителей цивилизации. Если вам нужна кровь, я готов сдать её столько, сколько нужно, но чтобы моя жизнь осталась в моей собственности, понимаете?

— Ну, милый мой мальчик, на тебя имею виды не только я… — она кивнула в стеклянное непроницаемое окно.

Вот оно что. Мы тут не одни. Значит, за нашим разговором сейчас следят.

— Дайте угадаю, вы работаете на корпоратов.

— Нет, не угадали.

— На военных?

— Все мы, мой мальчик, служим своему государству, — Жанна потушила сигарету в стальной пепельнице. — Абсолютно все. Не бывает такого, чтобы государства не было, и вам это известно более чем. Но такие, как вы, портите всем жизнь, — Жанна покрутила пальцем в воздухе. — Вы своей недисциплинированностью, неконтролируемым поведением творите ад на земле.

Загудел телефон на стене. Учёная, взглянув на него, вдруг потянулась ко мне ближе — так близко, чтобы слышать её мог только я — и взглянула в мои глаза своим старческим, уже помутневшим взглядом:

— У меня есть один-единственный вопрос, от которого может зависеть вся ваша судьба целиком. Просто ответьте мне, и может быть, мне удастся отсрочить ваше наказание.

— А нельзя его отменить вовсе?

— Увы, но я не одна на этой планете. Да и желания прощать вас, если честно, нет.

Странные у неё разговоры! За что же меня прощать? При всём том, что моя память с первой встречей была очень слаба, не припоминаю, чтобы я её чем-то обидел. Узнать вопрос не удалось — телефон перестал звенеть, и Жанна сразу отступила от меня.

— Вы знаете мою фамилию. Получается, знаете и мою биографию целиком?

— Да.

— Я из Снежинска, знаете такой город?

— Ближе к делу.

— Что с Магой?

Секундное замешательство на лице женщины удовлетворило меня. Я ухмыльнулся.

— Так где же мое государство, что убило моего друга?

— Не вам говорить про убийц! — взревела женщина. Она сгорбилась надо мной, как ведьма. — Абсолютно не вам! Вы — никто, маленький шпанёнок, шпана вы!

Такой реакции я от неё не ожидал.

— Вот вы говорите, что я — шпана. Но я же, наоборот, спрашиваю, где же моё государство? Почему же оно отзывается только на таких, как вы?

— Что?!

— Только если ты имеешь фамилию, — я продолжил давить на больное, — то к тебе прислушаются, тебя в принципе услышат, заметят, возможно даже помогут. А что делать таким простым людям, как я? Мне нужно просто ждать своего конца? Ждать, когда убьют? Нет уж, извините, я буду сопротивляться, я жить хочу…

— Прекратите!!! — Жанна перешла на страшный крик. — Замолчите, хватит, заткнитесь!

Раздался звонок. Телефон на стене задрожал, дверь шлюза снова зашипела, отворилась — вошёл какой-то военный, молодой парень, с озадаченным лицом:

— Вас вызывает начальство.

— Я сама здесь начальство! — злобно ударила она зашедшего в плечо. — Немедленно подготовьте его к серии испытаний.

Я окликнул её — Жанна повернулась и недовольно уставилась:

— Согласен, — сказал я.

Шлюз закрылся. В комнате воцарилась тишина. Я остался один. По крайней мере, мне хотелось в это верить. Из разговора ясно, что попал в самую плохую компанию, что меня, скорее всего, правда никто не ищет, потому что никто не знает, где находится группа Синички. Если у того алкоголика в баре и спросят, куда направились Давид с Ильёй, тот невозмутимо — и за бутылку горячительного, конечно — ответит, что ушли мы на озеро Чебаркуль, а именно на базу Заря, где, похоже, и пропали. Нас поищут день-два, потом плюнут, поматерятся простым русским матом, ещё кто-нибудь покрестит землю — ну а вдруг кто похоронил наши тела?

Как-то незаметно я уснул, и дни пошли незаметно.

Меня водили из одной палаты в другую. Подземный комплекс был одинаков во всём: всё белое да серое, жёлтый кафель в нижнюю половину стены, бетонный пол. Столовая самая типичная во всём, а внутрь других блоков меня не водили.

Свободы передвижения — нет.

Свободы действий — нет.

Свободы общения — нет.

И ещё много чего было не разрешено, запрещено или регламентировано, то есть, тоже запрещено, только в вежливой форме.

Моё сознание путалось в днях. Вот какой сегодня день? Не знаю. А месяц? Тоже не знаю. Все дни были похожи как один. Побудка, завтрак, анализы, сдача биоматериала. Ничем не отличались условия от тюремных, разве что чисто было.

Меня долгое время обследовали: кровь, электрические импульсы в мозге, работа сердца, почек, печени - проверяли абсолютно всё. Моё тело обклеивали датчиками, засовывали в огромные цилиндрические аппараты, облучали различными лучами; меня заставляли глотать отвратительные жидкости и отвечать на тысячу вопросов в анкетах.

Изредка к коллективу подключался учёный азиат, Ван И, которого я помнил ещё по первой, одурманенной встрече. Ван И казался хорошим, дружелюбным и очень трудолюбивым

человеком, но я остерегался быть с ним в близких отношениях, потому что опасался попастся на уловку со злым и добрым копом.

Проверяли абсолютно всё, вплоть до школьных лет, когда впервые появился Периметр. Целый коллектив учёных мог часами обсуждать незначительную особенность моего организма. Обнаружив отклонение, учёный по телефону немедленно собирал коллег из соседних лабораторий. Поскольку в одном только блоке было по три лаборатории, я, голый и смущенный, оставался на виду у десятков пар глаз.

Меня обследовали долго, обстоятельно и с таким усердием, будто намеревались отыскать в моём организме нечто совершенно невероятное. Дошло до безумия, когда учёные предположили, что я мог прятать реальные анализы в спальной комнате, из-за чего однажды пришлось ночевать и проходить процедуры прямо в лаборатории.

Отношения с учёными комплекса складывались очень своеобразно. Например, они искренне интересовались моим самочувствием, пока оно имело отношение к эксперименту. Стоило же мне пожаловаться на боль, потребовать отдыха или просто отказаться от очередной процедуры, как забота немедленно сменялась пассивной агрессией или даже оскорблениями и угрозой отправить в карцер.

При сопротивлении меня били, причём изощрённым способом, чтобы не оставалось следов. Всё дело в том, что Жанна Уткова ненавидела насилие и не могла смотреть на синяки, порезы и гематомы.

Бедняга.

У меня расспрашивали про все инциденты, когда приходилось контактировать с мощным источником сигма-излучения. По правде говоря, кроме портала, открывшегося по вине мутанта-мизгиря, и "Карпатского галита", странного кубического артефакта на борту "Чёрного лебедя", я ничего припомнить не мог. Когда я сказал, что у Лапсо, возможно, было оружие, использующее технологии сигмы, учёные просто рассмеялись надо мной.

Каждая неудача, казалось, лишь укрепляла их решимость докопаться до истины. Если анализы ничего не показывали, назначали новые. Всё выглядело совершенно нормально? Это ненормально. У научных работников это вызывало особое подозрение.

Будем изучать, — разочарованно говорили они.

И нигде не было Ильи, ни намёка на его существование. Поэтому я надеялся, что сделка ценой в один-единственный вопрос получится успешной. Мне оставалось лишь ждать и надеяться на удачный случай.

Этот случай подвернулся.

Меня вели по коридору после очередной процедуры. Я — вспотевший, замерзший и проголодавшийся, шёл, покачиваясь из стороны в сторону. Нужно было приложить немало усилий, чтобы не потерять сознание. Охранник бил меня по ноге, если ему что-то не нравилось, но в этот день, это хорошо запомнилось, он не просто не рукоприкладствовал, но даже помог добраться до помещения Е-13: стальная дверь, стальные шкафы, множество журналов, два письменных стола друг напротив друга, и один учёный с перекошенным от ужаса лицом.

— Зачем вы его сюда привели? Он же опасен.

— Мне приказали привести его сюда, — медленно ответил конвоир.

— Ой, а вы не ошиблись случаем? Коллега, это же не допросная, это научно-техническое помещение и библиотека, здесь книжный фонд на тысячу экземпляров.

— Приказали вести в Е-13.

— А кто приказал?

— Твоя начальница.

— Жанна Геннадиевна? Это какая-то путаница…

— Никакой путаницы нет, — в помещение вошла учёная. — Выйдите оба.

— Но, Жанна Геннадиевна, а как же оборудование? И ваша безопасность?

— Не положено, — протянул охранник.

— Иди к своему полковнику, — женщина поморщилась. — Ну же, идите, идите отсюда все. Господи, если ты так беспокоишься за меня, то встань за дверью. Никуда он не уйдёт, это глухое помещение.

Оба, явно недовольные, вышли. Жанна, подняв с телефона трубку, схватила меня за руку, загнала в угол и прижала с такой силой, что внутри захрустели кости. Она буквально подняла меня к потолку.

Какая сила!

— Мадам, вы снова ставите меня в неловкое положение.

— Заткнись. Говори только то, что у тебя спросят. Если дашь правильный ответ, то я устрою для тебя пожизненное в этой лаборатории.

Ну и привилегии, — подумал я. — А что уж сразу не электрический стул? Что мне, всю жизнь с этой вампирихой в одном подземелье жить? Впрочем, лучше договориться хоть о какой-нибудь сделке, чем упустить шанс

— Ты согласен? — спросила она.

— Не совсем.

Жанна сжала своими руками мои рёбра.

— Что? — она прошипела вопрос как змея. — Ты, щенок, ещё хочешь со мной торговаться?!

— У вас нет выбора, мадам. Слишком уж вы заинтересованы в этой информации. Я даже догадываюсь, что вас интересует.

Догадки у меня имелись, но в этот момент я скорее блефовал, чтобы вывести её из себя. Пусть на нервах со мной работает. Жанна всё же поинтересовалась, какие у меня есть просьбы.

— Во-первых, я хочу увидеть Илью.

— Он арестован. Вы по разным статьям идёте, его дело уже скоро закроют.

— Тем более. Я тоже вот неважно себя чувствую после ваших исследований…

— Что ещё?

Эта женщина имела невероятную силу. Я пытался себя уверить в том, что эту силу ей придаёт экзоскелет, но… Металлический каркас виднелся на ногах, а её руки, сколько бы их ни ощупывал, были свободны от дополнительных предметов.

И с такой силой Жанна собралась умирать? Да ни за что на свете.

— Я хочу узнать, кто это был.

Глаза Жанны завертелись.

— О чём ты?

— Кого я убил? Кто это? Кем он был?

Хватка усилилась.

— Мадам, ещё чуть-чуть, и ваш информатор задохнётся в чрезвычайно странных обстоятельствах в Е-13…

— Какой же борзый ты щенок. Не зря про тебя говорят, что ты анархист, преступник, готовый попрать вот любую мораль и честь. Подонок!

— Сделка?

Меня отшвырнули в шкаф с такой силой, что он надломился, кочнулся и упал с грохотом. Посыпались журналы, фотографии, куча листков.

— Вышли вон! — проревела она охраннику.

Дверь закрыли.

Причёска, прежде ухоженная, у Жанны растрепалась, волосы рассыпались в разные стороны, и заметно, как она сгорбилась в плечах. Разговор со мной для неё мучителен, это факт, и прежде ей, видимо, было крайне тяжело играть со мной в спектакль.

— Будет тебе сделка, говнюк. А теперь ответь на один мой вопрос, — Жанна встала надо мной, прижав коленом пах. — Где сейчас синичка?

Нет, честно, этот вопрос заставил меня врасплох. Конечно, в своей голове я прокручивал целый список предполагаемых интересов Жанны Утковой. Из всех пересечений больше всего совпадало с её профессией — это наука и исследования.

Как и Гоша-горбун, она должна была быть охочей до секретов Периметра. слава о нас уже не раз спасала задницы всей группе. Люди додумывают истории, они любят слухи за их неполноту — им радостно придумывать самим. И, может быть, поэтому многим мы представлялись высокими профессионалами, экспертами в аномальной зоне, хотя по факту как были новичками, так ими и остались.

Но зачем ей Вадим? Сталкер, который носил это прозвище, погиб, у него нет даже могилы. Что же от него ещё нужно? Быть может, лаборатория всё-таки принадлежит корпорации, и секреты Вадима очень важны ей.

И Жанна, получается, хочет быть на шаг впереди своей корпорации.

— Он погиб.

Лицо Жанны исказила невероятная боль.

— Невозможно. Это просто… утрата, я даже не знаю… Где, где погибла птица, говори?!

Ух ты. Так я обознался. Вот и вся разгадка — она ищет артефакт.

Мне хотелось съязвить, поиздеваться над ней, ведь я, прежде лежащий перед ней голышом, прикованный к кушетке и беззащитный, а теперь ещё и побитый, жаждал восстановления справедливости. Но, подумав немного, я заметно сник. Я тут один, неизвестно, жив ли мой товарищ Илья, так что лучшим решением будет смириться — пусть и временно — со своей судьбой.

Тем более она женщина, да ещё и учёная — казалось бы, у неё должны быть высокие моральные принципы. Хотя кто знает, что вообще творится в головах у таких людей… Я не оставлял надежды на её снисхождение ко мне.

— Вы, наверное, про артефакт.

— Да! Говори же, где его похоронили?

— Он не похоронен, потому что мы его не убивали. Эта синичка жива.

В глазах Жанны пылал огонь.

— Ну говори же, где она?

— Вам не понравится мой ответ.

— Ну?!

— Артефакт на базе свердловцев. Если кто им сейчас и распоряжается, то это Варя, теперь она у них главный командир.

Жанна судорожно затрясла передо мной кулаками.

— У-у, идиот!

— У меня не было выбора.

— Нашёл кому оставить!

— Да не было выбора, — оправдывался я. — Честно слово, она потребовала, чтобы мы оставили этот артефакт ей. Это было требование, иначе нас не выпустили бы из лагеря.

— Лучше бы вы её убили, — Жанна находилась в таком гневе, что, казалось, готова была убить весь мир. — Чёрт бы тебя побрал, Давид Муминов.

Она решительно пошла на выход. Постучав в дверь, она обернулась, посмотрела на меня с презрением; всё её старческое тело дрожало от ненависти:

— Ты сгниёшь здесь. Обещаю тебе.

Жанна бросила слова, точно проклятие, и ушла.

Глава 2. Хороший, плохой Ван И

— Вы не любите меня, — сказал учёный. — Я не нравиться вам. Да?

Китаец был мал ростом, его голова выдвинулась вперёд, как у воркующей птицы. Позади него стоял компьютер допотопной эпохи, на мониторе которого зачем-то висела стеклянная панель на синей изоленте. Несмотря на явную дороговизну оборудования, лаборатория самого Ван И выглядела откровенно плохо.

Но китайцу всё это нравилось, более того, он словно нарочно поддерживал хаос в своей комнате. Мне, честно говоря, после стерильных коридоров, где уборщик мыл по расписанию, словно призывник, каждые три часа, казалось, что в хаосе нельзя найти какую-то закономерность, что всё это странно, вычурно на фоне остальных, и потом, не вполне чистоплотно… Однако именно здесь, как бы парадоксально это ни звучало, я чувствовал себя в безопасности.

Ведь Ван И не брал у меня анализов. Никаких. Вообще. Моё тело его не интересовало. Всё, что вызывало в нём невероятный, даже животный трепет — это артефакты.

Его лаборатория, имевшая название А-22, находилась меж двух других: перед ней находился компьютерный комплекс с большой системой охлаждения, от чего всегда было холодно до мерзкой дрожи, а за его отсеком отстроена лаборатория по изучению и хранению артефактов антигравитационного свойства. Ван И — один из отцов современного антиграва, но несмотря на величайший вклад в науку, ничего с этого он не получил: ни наград, ни премий, ни больших денег, ни репутации, ни даже доброго имени у него нет.

Кто такой Ван И? Вы знаете этого человека? Лично я — нет, пока не столкнулся с ним в Периметре. А между тем, именно он создал технологию, благодаря которой такие корпорации, как Иннотех, не просто выжили в апокалипсисе, но захватили всю власть в мире, их больше не различить от государства, или даже хуже — они сами превратились в государство.

Люди вроде Алекса Лапсо, летавшие на антиграве, жили своей небесной жизнью. Поскольку они беспрепятственно перемещались по заражённым территориям, огибали опасные аномальные бури и могли применять мощное оружие, гарантированно уничтожавшее, например, банду восставших зеков или бешеную свору мутантов, люди охотно согласились на их власть. Эти корпораты судили, наказывали, определяли законы, даже примиряли взбунтовавшихся, а ещё создавали рабочие места и производство.

Не нужно быть умным, чтобы понять, что благо от таких корпораций — это одна сторона плохой медали. Работу давали, но где? В токсичных перерабатывающих заводах. Я туда не пошёл, хоть мне и предлагали тройной оклад. Я видел, во что превращались руки у рабочих на таком производстве. Платили, может быть, корпораты много, но зарабатывали они гораздо больше тебя. Ты должен быть лоялен и эффективен. Нет? Проваливай.

Но ничего бы этого не было у корпораций, ни власти, ни господства, ни преимущества перед другими, если бы не Ван И, отец технологии антигравитационного движения. И вот, сидит передо мной этот маленький, довольный жизнью добродушный китаец, потирает уставшие глаза, снимает свои очки со сломанной переносицей, склеенной кое-как скотчем, кладёт их на грязный лабораторный стол и задаёт мне повторно вопрос о том, как именно мутант мизгирь использовал артефакт светоч.

Однажды я спросил Ван И, нравится ли ему такое положение вещей? Я старался скрыть свою враждебность к нему, и китаец, кажется, не поймал меня на позерстве, тогда честно сказал:

— Что мне сделать, мальчик? — удивился он тогда. — Нарисовать змее ноги? Я не глупец, я не буду драться с зубастым тигром.

— И вас всё удовлетворяет?

— Конечно.

— Вы знаете, что делают корпорации с городами? Людьми вроде меня?

— Плохо жить человеку в эпоху перемен! Никому не желаю.

— Вы не понимаете, насколько всё серьёзно.

— Думаю, я всё же понимаю.

— Значит, не хотите принять тот факт, что от вашего творения случилось гигантское зло.

— Это не навсегда, — китаец продолжал улыбаться, — потому что прогресс всё равно распространится.

— Как скоро?

— Через пятьдесят лет.

Видя, что мои брови из-за недоумения сошлись на переносице, он добавил, что такова цена патента с корпорацией.

— Ван И, вы очень оптимистичный человек. Полвека хватит, чтобы мы все вымерли — трижды.

— Я работаю на лучшей работе в мире.

— Это понятно, но…

— Я работаю на лучшей работе в мире, — повторил китаец вежливо и твёрдо.

Под работой он подразумевал должность, никак не связанную с корпорацией — во всяком случае, прямо, только через подряды. Когда я сказал, что он мог получить гораздо больше, если бы поделился своими знаниями с простыми людьми, на меня посмотрели как на человека, который рисует змее ноги.

Но вернёмся к сегодняшнему дню. Китаец сидит напротив меня и вздыхает, а я вздыхаю театрально, чтобы вывести его из себя. Я знаю, и он знает, что побить меня он не сможет, а просить о таком, как делают его коллеги, Ван И не будет. Ван И — выпускник Оксфорда, в нём смешалось, по его словам, гонконгское свободолюбие с британской культурой полузакрытого, аристократического братства.

— Как я могу любить человека, который держит меня в тюрьме?

— Я вас не держу.

— О, правда? — я встал со стула. — Могу идти? Где выход, не подскажете?

Китаец громко засмеялся.

— Это ненадолго.

— Это враньё.

Китаец выдержал недолгую паузу.

— Да. Это враньё.

Я невольно вздохнул. Вопрос, который содержался в моём сердце, был очень болезненным.

— Скажите, они меня убьют?

— Не знаю, — честно ответил Ван И.

— Но ведь меня неспроста держат в этой лаборатории.

— Вы — часть одной большой и длинной цепи событий. Я бы пожалеть вас хотел, но… В этом мире есть большие люди и большая власть.

— Я всегда был против такого.

— Понимаю.

Китаец множественно кивнул, голова у него болталась на шее, как лишняя для тела. День мог затянуться, поэтому пора заканчивать с ним игру. В конце концов, от него можно ожидать и поблажек.

— Ладно, чёрт с вами. Говорите уже, что вам сегодня нужно.

Китаец мгновенно ожил. Он расспрашивал о двух встречах с мизгирем, о том, как этот мутант использовал артефакты, как открыл тот самый необычный портал на базе Утёс, и о

том, что мизгирь имел биомеханические части. Часы расспроса шли долго и уныло. Я очень сильно зевал.

— Может, вы хотите вознаграждение? — внезапно спросил Ван И.

— Допустим.

— Как насчёт пудинга?

Я скривился в отвращении.

— Фу!

— Ой. А я не знать, что вы его не любить.

— Теперь вы будете знать, что это не любить, — подразнил я. — Совсем не любить!

— А как насчёт… желе? Я могу принести три банки желе.

На моём лице, скорее всего, проявилась снисходительная улыбка, и китаец быстро понял, что еда — не лучшая монета для торга.

— Мне бы поговорить с Ильей.

— Это точно не моё. Нет-нет, друг, не моё. Я не могу с этим помочь.

— Дай угадаю, это Жанна Уткова решает?

— Она наша руководительница, — сказал Ван И. — Она может всё.

— А освободить?

— Ну точно маленький ребёнок!

— Ладно-ладно. Я хочу поиграть в игры.

Китаец, сначала не поняв, что от него хотят, протянул долгое Ах! и хлопнул в ладоши:

— Можно. Можно устроить. Шахматы?

— Фу.

— Но у меня нет других игр, кроме тех, что на компьютере.

Вот и отлично. Я сделал вид, что сомневаюсь, стоит ли раздумывать вообще над таким вариантом, но в конце концов утвердительно кивнул.

— Ладненько. Давайте, поиграю в компьютер.

— Отлично!

Ещё один час, который длился все десять, был потрачен на бесконечные вопросы, ответы и комментарии; полноценную картину воссоздать не удалось, но Ван И, похоже, удовлетворился моим описанием, но и приобрёл какой-то озабоченный вид.

— Вы сталкивались с мизгирём? — спросил я.

— Нет. Я вообще редко работаю с фауной. Моя работа — это работать с объектами аномальной активности, понимаешь? Редко приносят флору. Куст, который охотится на живых существ.

— Кислица? Но это же аномалия, и артефакты у неё не очень популярны в народе.

— Это сложный вопрос, — китаец медленно встал. — Давайте, я включу вам компьютер. Очень жаль, но я устал и мне надо идти. Я оставлю вас на час.

У меня глаза на лоб полезли.

— Что, прям одного?

— Да, — Ван И пожал плечами. — Я вас закрою на ключ. Так, а вот здесь нужно отключить компьютер от сети. Вот и всё. Там есть несколько игр, их загрузил мой ассистент, поэтому не спрашивайте, как в них играть, я ничего не понимаю, кроме одной онлайн-игры, в которую уже не поиграть.

Я захохотал.

— Да вы были задротом?

— Кем-кем?

— Ничего. Ван И, удачи вам в исследованиях.

Китаец, смущенный тем, что его высмеяли, поклонился с улыбкой и ушёл. Дверь закрылась, послышался щелчок замка и трижды поворот ключом. Я остался один.

Хе-хе-хе… — подумал я. — Это ж какой он всё-таки чудак, чтобы меня оставить с компом. Он правда думает, что мне не удастся включить сеть обратно?

Смешно, но связь с миром включилась двумя щелчками. Каково было моё разочарование, что это была локальная сеть: весь комплекс был к ней подключен, но доступа к сети сталкеров, внешнему интернету компьютер не имел. Что ж, на безрыбье и рак сгодится.

Я подумал, что предметом будущего торга станет секретная информация. Унести с собой при побеге вещи вряд ли удастся, а вот голову я унесу точно. Полагаться придётся на память и заучивание.

Секретов у этих учёных много! Начнём с того, что никто из сталкеров и наёмников не знал о лаборатории под Челябинском. Конечно, байки и слухи были, не скрывали от новичков факта существования таких центров. Однако часто эти россказни оставались исключительно байками, то есть пугалками, призванными пощекотать нервы в спокойной обстановке бара. За то неопределённое время, что я нахожусь здесь, этот комплекс мне показался огромным — сколько тут лабораторий, цехов и складов? Их же просто не счесть, а ещё меня не везде впускали.

Иронично, что прямо над ними располагалась секта Александра Викторовича. А может, это и не секта была, а отвод для глаз…

В моём распоряжении меньше часа. Зачем гадать? Я владел одной важной ниточкой, которая поможет с поиском компромата. Алекс Лапсо. Это был далеко не последний человек в их системе взаимоотношений: с ним связаны профессор Фомин, полковник Бугорец, представитель спецслужб, возможно, что и местные личности с ним сотрудничали. Я вбил в поиск его фамилию.

Хм. Негусто. Всего три документа.Может, порыскать почту? Открыв браузер, я наткнулся на пароль. Ван И, за что ты так со мной! Мог бы подсказать, оставить ключик на столе. Почесав голову, я попробовал наугад вписать пароль.

Змея. Тигр. Зубастый тигр. Нога. Ноги. Да чёрт побери!

Шалость не удалась. Возвращаемся к найденным файлам.

В первом документе информации оказалось немного — это была смета с таблицей, все товары в ней зашифрованы номерами. Но были указаны адреса доставки грузов, среди которых нашёлся необычный Челябинск-65. Я о таком месте ранее не знал и не слышал, поэтому зафиксировал в уме.

Во втором документе нашёлся скан письма, датированного двадцать четвёртым февраля 2025 года:

Уважаемый Александр Андреевич!

С прискорбием сообщаю, что в результате инцидента, вызванного экспериментом с объектом аномальной активности номер шестьдесят пять, полностью выведена из строя лаборатория А-38.

Помещение аннигилировалось в результате воздействия на объект интенсивным ионизирующим облучением. После прекращения облучения, объект перешёл в нестабильную фазу, образовав устойчивое нуль-поле с гравитацией 2,5 g (почти Юпитер). Сила гравитации была направлена в центр чёрной сферы.

Всё оборудование А-38 потеряно. Мы потеряли двух сотрудников, Гаспарян А.Н. и Мухачёва М.Н. Их тела не обнаружены, но мной владеет убеждение, что они всё же погибли внутри аномального поля. Записи эксперимента сохранились на сервере, по просьбе Первого управления необходимо передать их в руководящие органы.

— Ван И! — в дверь яростно постучали. — Это срочно. Открой немедленно. Я знаю, что ты здесь.

Снова стук. Человек не унимался:

— Выйди, нам нужно поговорить.

Нужно ускоряться. Я продолжил читать:

Этот эксперимент, между тем, подтвердил догадки, сделанные полевым агентом Г.Н. после случая возле базы Утёс. К величайшему сожалению, у исследователя практически нет материально-технической базы для изучения феномена, при том, что его местоположение оказалось ближайшим к зоне инцидента.

Согласно гипотезе Г.Н., возможно искусственное создание нуль-портала. Это превосходит все возможные ожидания от потенциала УЭП. Возможно, нуль-портал способен переносить предметы размером большим, чем человек, например машина или поезд. Всё это неточно и требует проверки.

В скором времени Г.Н. обещает прислать первичные диагностики из тех приборов, что у него есть. Но работа с агентом требует большой деликатности. Его раскрытие приведёт к очень тяжёлым последствиям.

— Ван И! — кулак колотил по двери уже непрерывно. — Я ломаю дверь. Охрану! Охранника вызовите в А-22.

Да чтоб тебя.

Нам очень нужна помощь, уважаемый Александр Андреевич! Нашего потенциала крайне недостаточно для воссоздания цикла экспериментов по данному направлению. Если мне не изменяет память, на последнем нашем совещании вы требовали акцентироваться на этом направлении. Коллектив готов к выполнению НИОКР.

Искренне Ваш

Фомин Юрий Дмитриевич

Я закончил читать. В животе бурлило. Что же это получается? В письме упоминается полевой агент, который был рядом с базой Утёс. Я готов поставить двадцать тысяч биткоинов, что речь про инцидент, связанный с нами! Но инициалы скрывают личность. Кто же этот человек, чьё имя может начинаться на Г?

На ум приходит разве что Гоша-горбун. И его биография более чем подходящая: он из бывших учёных, прежде работал на корпорацию, исследовал Периметр. Если горбун является кротом, то мы все в огромной опасности. Неизвестно, что он передавал этим учёным.

Вдруг меня осенило. Ведь есть ещё тот самый врач Герман, лечивший от переоблучения в лагере Маргарина! Он и связан с Жанной Утковой, вероятно. Откуда же он берёт медикаменты? Не у Фрола же покупал. И потом, Герман немедленно покинул базу, когда я выздоровел. Зачем, если не ради безопасности? Заодно забрал биоматериалы, мои волосы с облезшей головы, и кожу, которая лежала на кровати.

Нужно обязательно предупредить Маргарина о находке. И Фрола тоже. Вообще всех. Вероятно, после этого Германа убьют, но риск слишком высок. С моим будущим побегом начнутся поиски — на розыск бросят всех скрытых агентов, которые работают на эту лабораторию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.